

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

люди искусства

«ВЕЛ РЕПОРТАЖ...»

Марк ТОРЧИНСКИЙ

В один из последних дней декабря 1956 года теплоход «Грузия» завершал свой дальний переход из Мельбурна к родным берегам. Обычно в это время года у дальневосточного побережья разгуливают леденящие тело и душу морозные штормовые ветры. А тут «небесная канцелярия» будто решила преподнести сюрприз: ртутный столбик поднялся выше нулевой отметки, ярко светило солнышко, подчеркивая праздничные тона флагов расцвечивания, поднятых над судном в честь побед наших спортсменов, которые возвращались с Олимпийских игр в Австралии.

До Владивостока оставалось еще часа четыре хода, когда наш приземистый буксир, словно подчеркивая свою принадлежность к испытанным морским волкам, нутужно похрипывая тифоном в ответ на барственое рокотание теплоходного гудка, ошвартовался к борту белоснежного великана. А еще через несколько минут вместе с группой журналистов я оказался на палубе «Грузии».

В многоэтажном лабиринте трапов, коридоров, салонов не без труда разыскал я каюту, где разместились те, чьи голоса доносились к нам сквозь шорохи и трески эфирных помех, рассказывая о Мельбурнской олимпиаде. Улыбаясь, навстречу мне поднялись знаменитый спортивный радиокомментатор Вадим Святославович Синявский и его молодой коллега Николай Озеров. Вечером с первым из них мне посчастливилось вести памятную для Владивостокского телевидения передачу с участием многих героев Мельбурна, а второму было поручено выступить с сообщением об итогах Олимпиады в местном краевом драматическом театре, зал которого не мог вместить и сотой доли желавших попасть туда.

Я вспоминаю обо всем этом вовсе не для того, чтобы, воспользовавшись случаем, еще раз вздохнуть по поводу быстротечности времени. Отнюдь. Сегодня ретроспективный взгляд нужен для того, чтобы еще раз мысленно проследить, как прожито это время человеком, о котором поведу разговор. — Николаем Николаевичем Озеровым, в судьбе которого столь тесно переплелись искусство, спорт и профессия радио- и телекомментатора...

Недавно, чтобы восстановить или уточнить кое-какие события, я встретился с Николаем Николаевичем у него дома. Мы перелистывали альбомы (их у Озерова целое собрание сочинений — 75), в которых запечатлены наиболее памятные вехи из его жизни. Непрерывно зво-

нил телефон. Популярность Николая Озерова сравнима разве только с популярностью самых ярких кинозвезд, находящихся в зените славы.

И пока он отвечал на звонки или резко вскакивал, чтобы открыть входную дверь, терпеливо разъяснял «Николаю Николаевичу-младшему», что папа занят, а его сестричке Наденьке, «где искать Коку», я перелистывал альбомы и размышлял: а могла бы у этого человека сложиться иная судьба, чем та, что выпала ему? И когда детишки ушли гулять, а телефонная атака малость приутихла, попросил самого Озерова ответить на мой вопрос. Он недолго раздумывал:

— В сущности, нет. Ведь я родился и вырос в театральной семье. Спортом увлекся очень рано. Эти два обстоятельства из моей биографии и привели меня логически к микрофону...

И в самом деле, его отец — народный артист республики Николай Николаевич Озеров — видный в свое время певец. В его репертуаре были все главные партии для драматического труппы из опер, шедших на сцене Большого театра. И в том, что сын после окончания школы стал студентом ГИТИСа, — несомненно, влияние отца. Как несомненно и то, что заслуженный мастер спорта Николай Озеров, зачисленный после окончания института в прославленный коллектив МХАТа, привнес с собой в артистическую среду не только этого, но и других театров лучшее понимание спорта, его законов и парадоксов, а также всемогущий микроб болельщичества.

«Вот баловень судьбы, — довелось мне как-то услышать о Николае Озерове. — И в театре-то он играл, и чемпионом был, и в кино снимался, и весь мир объездил...»

Этот незадачливый человек совершенно не знал Озерова, судил о нем по фактам, лежащим на самой поверхности. И тут вроде все правда, если не считать того, что слово «был» можно употребить теперь лишь по отношению к его спортивным достижениям. Ну, а что касается «баловня судьбы», то совсем не по адресу. Ведь за всеми его ролями в театре и кино (он сыграл их более двадцати), за поездками на Олимпиады и чемпионаты (вел репортажи из 44 стран мира), за бесчисленными выступлениями на предприятиях и в учреждениях, учебных заведениях и воинских частях, за выдающимися достижениями в спорте лежит труд и еще раз труд, который невозможно ни измерить, ни взвесить. А можно

только сказать, что он огромен. И что только с помощью его Озеров стал таким, каким мы знаем его сегодня.

Он издавна приучен к высоким нагрузкам... В тот самый день, когда группа budding актеров сдавала выпускной спектакль, первая клубная команда «Спартак» играла решающий матч на первенство Москвы. Любимой другой на месте Озерова оказался бы выступать в нем. И был бы понят. Но он вышел на поле. Забил гол, обещавший победу. А через час уже играл Боба Эккерса в «Соперниках» Шеридана. И тут тоже получил «пятерку», а вместе с ней и приглашение в труппу МХАТа (между прочим, после окончания футбольного матча Озерову всерьез предложили место в основном составе команды мастеров «Спартак»).

...Как-то в театре решили ставить «Домби и сына». После читки пьесы Владимир Николаевич Муравьев, которому была поручена роль мистера Тутса, сказал Озерову: «Коля, эта роль будто написана специально для тебя...» И ежедневно с 8 утра по несколько часов кряду занимался со своим младшим коллегой. Эта роль и по сей день осталась любимой у Николая Николаевича. И, конечно, он навсегда сохранил чувство признательности и величайшей благодарности В. Н. Муравьеву, преподавшему ему не только урок актерского мастерства, но, что гораздо важнее, благородства высочайшей пробы. Ведь, чего греха таить, далеко не каждый актер станет готовить для себя дублера.

Своеобразным «крестным отцом» оказался для Николая Николаевича Вадим Святославович Синявский. В час своего дебюта на ниве спортивного радиорепортажа (а было это 29 августа 1950 года на матче «Динамо» — ЦДКА) Озеров понял, что от волнения не сможет произнести ни одного слова. Дрожащей рукой он все не решался включить микрофон. И тогда это сделал сидевший рядом Вадим Синявский. «Сегодня, — сказал он своей привычной скороговоркой, — свой первый репортаж о футболе ведет заслуженный мастер спорта Николай Озеров. Ему я и передаю наш микрофон...» Отступить было, как говорится, куда...

Нынче Николай Озеров — признанный лидер среди своих коллег — спортивных комментаторов. Казалось, можно бы малость передохнуть, чуть уменьшить нагрузку, сбавить темп. Но куда там! Он по-прежнему весь в динамике. Сегодня можно услышать его выступление на радио в «Доброе утро», вечером репортаж из Лужников, завтра увидать вы-

ступление в программе «Товарищ кино», допустим, во Львове, а уже послезавтра знакомый голос произнесет: «Мы ведем наш рассказ...», и будет назван стадион в далеком городе за океаном. И еще Озеров удивительно требователен к себе: «Наша профессия такова, что надо постоянно учиться...»; «Веду репортаж, допустил какой-то ляп (с кем этого не бывает), ну, думаю, если слушает Михаил Михайлович Яншин — опять влетит по первое число...»; «Знаете, кто у меня самый строгий критик? Мой старший брат Юрий...» И впрямь, известный советский кинорежиссер, лауреат Ленинской премии, заслуженный деятель искусств РСФСР Юрий Николаевич Озеров с младшим братом не церемонится: «Заштамповались вы там, надо искать свежие слова...» А сотни писем от телезрителей и радиослушателей... Вы думаете, в них одни восторженные восклицания?

— Так что не до переделки, — говорит Николай Николаевич. — Вот меня часто спрашивают, как стать комментатором. И что в этой профессии превалирует: громкая спортивная биография или журналистские навыки. Я бы ответил так: моему, это прежде всего область искусства, а затем уже все остальное...

Вот именно — искусства. А то ведь иной обыватель, попивая чаек и одним глазом косясь на экран телевизора, порой «замечает» по поводу спортивного репортажа: «Велико дело. Выучил фамилии игроков, садись к микрофону и шпарь, как говорится, чего видишь...». Его посади. Он бы «пошпарил»...

Многие пытались. Да не тут-то было. На поверку выходит дело это архисложное. И далеко не каждому дано им овладеть. Вокруг профессии спортивного телекомментатора и у нас, и за рубежом ведутся время от времени дискуссии, высказываются полярные точки зрения. И хотя общий знаменатель в обозримом пространстве вряд ли будет найден, все критики и исследователи этой проблемы сходятся хотя бы на том, что у микрофона должна находиться личность.

Вот такой личностью, на мой взгляд, является Николай Озеров. Его не спутаешь ни с одним другим комментатором. Он умеет заражать своим энтузиазмом и держать у экранов телевизоров даже людей, весьма далеких от спорта. Высокая внутренняя культура, унаследованная от театра, богатейший спортивный опыт, позволяющий свободно ориентироваться в происходящих событиях, великолепная реакция, отлично натренированная память — вот далеко не все компоненты, позволяющие Озерову быть Озеровым. И между тем он, как и в прежние годы, приходит на стадион или во Дворец спорта задолго до начала репортажа, бывает на тренировках, советуется со специалистами, дикторами. Был такой случай, когда он из Мексики связывался с Ольгой Высоцкой, чтобы выяснить, как правильно произнести одну фразу.

Утверждая спортивный телерепортаж как новый вид искусства, Николай Озеров идет своим путем. Он не всегда устлан розами. Но такова уж судьба тех, кто ведет за собой других.

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о присвоении Николаю Николаевичу Озерову звания народного артиста республики «за большие заслуги в области советского искусства» не оставляет сомнения в правоте его суждения о профессии комментатора.

И еще одно обстоятельство. Мы как-то забываем о том, что слово «артист» идентично слову «мастер», а мастерство, как свидетельствуют словари, и есть искусство. В этом, на мой взгляд, глубокий смысл присвоения почетных званий лучшим мастерам своего дела. К кому по праву причислен и Николай Озеров.

Фото Е. Халдея.